

<http://edoc.bseu.by/>

*Е.С. Ошевнева, студент
elizavetaosh@mail.ru
РАНХиГС (Москва, Россия)*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ КАК СРЕДСТВО УПРАВЛЕНИЯ МАССОВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Проблема эффективной коммуникации в политических конфликтах, избирательных кампаниях и легитимации власти остается актуальной. Существует множество способов политической коммуникации, но при анализе практики прошлого и современности не так часто внимание уделяется политическим символам, однако они имеют большую коммуникативную значимость. В данной работе представляются результаты попытки обобщения и конкретизации теоретических и практических сведений о технологиях символической политики.

Политические символы обладают рядом специфических признаков: знаковая природа; сжатое, концентрированное выражение социально-политической реальности, способность выражать идеи и вызывать эмоциональные ассоциации.

А. В. Бабайцев дает следующее определение политического символа: «это развернутый по содержанию знак, который вызывает сильные эмоциональные ассоциации и используется политическими субъектами при осуществлении, изменении или удержании власти в качестве медиатора – особого посредника между человеком, группой людей и социально-политической реальностью» [1, с. 22]. Символическая политика заключается в применении данных знаков политическими акторами в целях продвижения «определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [4, с. 92].

Принцип работы символической политики построен на ценностно-эмоциональном воздействии, посредством которого у реципиентов формируется модель восприятия социально-политической реальности и модель политического поведения. Так как эмоциональные переживания – это наиболее сильный фактор, влияющий на убеждения и поведение людей, символическая политика является действенным и, благодаря многообразию возможных форм и содержания, универсальным инструментом управления поведением и сознанием больших групп людей. Наиболее подробное рассмотрение этого механизма можно найти у С. П. Поцелуева [5], а также в исследовании Р. Кобба и Ч. Элдера [2]. Эти исследователи по-разному интерпретируют вышеизложенный тезис. С. П. Поцелуев утверждает, что главное в этом механизме – обращение к ценностям через эмоциональные ассоциации, в то время как Р. Кобб и Ч. Элдер выделяли три компонента политического символа: когнитивный (информационный), аффективный (эмоциональный) и оценочный (значимость символа для реципиента), среди которых наиболее значима аффективная и оценочная нагрузка символа.

Дает ли доступная нам сегодня совокупность теоретических знаний возможность провести достаточно информативный анализ политической коммуникации в рамках какого-либо события в публичной сфере? Чтобы выяснить это, представляется целесообразным проанализировать с помощью данного инструментария кейс, отличающийся наиболее интенсивной публичной коммуникацией посредством наиболее разнообразных каналов. Таким кейсом является Гражданская война в США, а именно, пропаганда Конфедеративных Штатов Америки (КША). Пропаганда сыграла немалую роль в мотивации и консолидации населения КША, поэтому рассмотрение этого кейса представляет особый интерес при изучении роли символической политики в управлении обществом.

Для наиболее полного анализа были рассмотрены примеры вербальной и невербальной политической коммуникации КША: речь Дж. Дэвиса 22 февраля 1862 г., государственная символика, изображения на банкнотах и монетах, и специфические ритуалы.

Были выделены такие виды символов, как политический язык, национально-государственная символика, политико-музыкальная символика, исторические фигуры, наглядно-агитационная символика и наконец, ритуально-процессуальная символика.

Населению КША был присущ культ силы и чести, практиковались дуэли. Также специфика жизни на Юге развивала у этих людей чувство персональной ответственности за свою жизнь и семью, поэтому в их мировоззрении укрепилась убежденность в собственном суверенитете. В целом систему ценностей и идеалов южан составляли демократия, консерватизм, честь, семья и независимость. Поэтому мы можем сделать вывод, что по ценностному содержанию большинство символов транслировали самое актуальное – ценности независимости и чести (например, изображения Дж. Вашингтона, выражения «отцы-революционеры», «долг», «справедливость», первый государственный флаг КША, имитирующий первый флаг Соединенных Штатов, множество других отсылок к Войне за независимость США, белоголовый орлан, фригийский колпак, изображения богини Афины на монетах).

По классификации Р. Кобба и Ч. Элдера, КША использовали в качестве символов сочетание наиболее эмоциональных и актуальных отсылок. В структуре большинства символов доминировало аффективное содержание. Это символы класса «политическое сообщество», которые являются наиболее абстрактными, но отражающими фундаментальные ценности. К таким относятся, например, выражения «свобода», «всеобщая польза», «справедливость», девиз «Deo Vindice», изображения фригийского колпака и белоголового орлана. Они способны консолидировать большие группы людей, а воздействие их наиболее длительно. Символы этого класса достаточно эффективны в масштабных политических конфликтах и избирательных кампаниях. К символам класса «ситуативное окружение» (наименее эмоциональным, но отсылающим к текущей проблеме) можно отнести

выражения «представительство» «самоуправление», изображения генералов армии КША на банкнотах.

Чтобы наиболее полно проанализировать смысловое наполнение данных символов, обратимся к подходу Г. Лассуэлла, который делил все политические символы на символы идентификации, символы требований и символы ожиданий [3]. Выяснилось, что намного чаще применялись символы идентификации. К примеру, выражение «отцы-революционеры», песня «Dixie», первый государственный флаг КША, изображения сцен из быта южан, сельскохозяйственных культур юга, первых лиц КША и правительственных учреждений на банкнотах. Достаточно часто встречались также символы требований: «самоуправление», «представительство», фригийский колпак и белоголовый орлан как символы независимости.

По типологии С. П. Поцелуева, пропаганду КША можно определить как символическую политику «сверху и снизу». Этот тип характеризуется выработкой властью мифов, ритуалов и культов, которые впоследствии поддерживаются и распространяются обществом. Через политические символы транслировались мифы независимого государства, свободной личности, великого противостояния и т.д. Они связывались с демократическими ритуалами и ритуалом революции. А комплекс этих мифов и ритуалов создавал культ свободы в сознании южан. Такой эффект был достигнут преимущественно за счет экстраполяции образа Войны за независимость США на образ борьбы Конфедерации против Союза. Это обеспечивало не только высокую мотивацию населения КША в Гражданской войне, но и их консолидацию, а также зачатки национально-государственной идентичности, т.к. культ свободы – это общая ценность и отсылка к общей истории.

Итак, данный обзор показал, что политический символ – это средство политической коммуникации с большим потенциалом: высокая манипулятивность, универсальность, простота применения. Согласно различным теориям, он имеет сложную структуру и большое разнообразие форм.

Концепция символической политики позволяет достаточно глубоко выстраивать, а также анализировать политическую коммуникацию. Проведя, данный анализ, мы можем сделать выводы о символах, наиболее востребованных и эффективных в политических конфликтах.

Это дополнительный инструмент проверки гипотез и аргументации. Однако на данном этапе развития этой теории остается актуальной проблема нехватки четких критериев типологизации и трактовки политических символов.

Тем не менее, концепция дополняет теорию политической коммуникации важными деталями. Таким образом, не стоит обходить вниманием феномен политического символа, занимаясь вопросами политического управления с точки зрения политической коммуникации.

Список источников:

1. Бабайцев, А. В. Подходы к определению понятия «Политический символ» / А. В. Бабайцев // Символическая политика. – 2014. – № 2. – С. 18–23.

2. Кобб, Р. Использование символов в политике / Р. Кобб, Ч. Элдер // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 131–145.
3. Лассуэлл, Г. Язык власти / Г. Лассуэлл // Политическая лингвистика. – 2006. – Вып. 20. – С. 264–279.
4. Малинова, О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Полис. – Москва, 2010. – № 2. – С. 90–105.
5. Поцелуев, С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме / С. П. Поцелуев // Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 61–75.

<http://edoc.bseu.by/>

*Р.А. Панца, магистрант
rotarantsa@gmail.com
ТвГУ (Тверь, Россия)*

СОПЕРНИЧЕСТВО США И КИТАЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

В последние годы в Азиатско-Тихоокеанском регионе начали происходить значительные геополитические изменения. Этот процесс обуславливается влиянием различных факторов, наиболее важным из которых, является рост Китая как политической, экономической и военной сверхдержавы. Быстрый экономический рост Китая обеспечил технологическое развитие Народно-освободительной армии и резко увеличил международное политическое влияние страны.

В течение трех прошедших десятилетий экономика Китая значительно расширялась из-за низкого уровня заработной платы, большой численности трудовых ресурсов, значительного спроса на продукцию и инвестиций со стороны транснациональных корпораций [1, с. 5]. Из-за этого в США пострадали многие отрасли промышленности, поскольку производство все чаще передавалось на аутсорсинг китайским фабрикам. Кроме того, китайские компании в течение нескольких десятилетий имели свободный доступ к рынку США, тогда как американские фирмы были вынуждены передавать интеллектуальную собственность и идти на другие уступки, чтобы получить доступ к рынкам Китая.

В настоящее время Вашингтон начал кампанию по принуждению Пекина к осуществлению крупных экономических реформ. Введя пошлины на товары из Китая на сотни миллиардов долларов, США затруднили выход китайских товаров на свои рынки. При этом Соединенные Штаты пытаются заставить Китай открыть свои рынки для американских товаров и услуг, а также прекратить принудительный обмен технологиями.

Подчинение требованиям Вашингтона сильно ослабит китайскую экономику, что может серьезно подорвать статус Коммунистической партии